

Райнер ШРЕГ

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ОСВОЕНИЯ ОКРУГИ МАНГУПА И ЭСКИ-КЕРМЕНА В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И СРЕДНИЕ ВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ ПОСЕЛЕНИЯ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Начиная с 2006 г. Римско-германский центральный музей в г. Майнце, Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, Таврический национальный университет в г. Симферополе и другие партнеры выполняют совместный исследовательский проект, посвященный изучению Горного Крыма в раннее средневековье. В задачи проекта вошла также разработка актуальных методик и вопросов археологии поселения и окружающей среды. В виду продолжающейся дискуссии данная работа призвана освятить методико-теоретические основы и познакомить с первыми результатами.

Археология поселения и окружающей среды.

Современная ландшафтная археология с ее постановкой вопросов о «целостной системе жизни и деятельности человека во взаимодействии с природой» в центр изучения ставит «развитие современного культурного ландшафта, включая определяющие его историко-культурные и природные силы» [1, с. 227]. Сегодня она располагает широким спектром проверенных методов изучения источников. Геофизическая разведка, новые технологии дистанционного исследования, такие, как LIDAR (Light Direction and Ranging) и применение GPS и GIS дают информацию о культурном ландшафте; естественнонаучные методы археозоологии и археоботаники дают основу для реконструкции ландшафта и экономического уклада. Хорошие результаты в последние годы дает инструментальная археология, использующая естественнонаучные методы [2]. Экологическая археология на уровне интерпретации рассматривает, в основном, непосредственную деятельность человека на окружающую среду [3]. Роль культуры и значение традиций, которым экологическая археология отводит центральное место, в традиционной археологии до сих пор почти не рассматривались [4], так как без большого числа письменных и устных сообщений и актуальных данных анализа окружающей среды по одним археологическим источникам определить их очень сложно. Из-за боль-

шого значения естественнонаучных методов можно, однако, забыть, что взаимодействие человека и природы представляет собой, в первую очередь, историческое и культурно-антропологическое тематическое поле. Исследования предшествующих периодов, в которых археологический материал дополняют письменные источники, показывают, что обращение человека с окружающей средой является также вопросом ее восприятия и определения. Экологическая археология, как она здесь понимается, – это наука одновременно и естественная, и гуманитарная. Ее цель состоит не только в реконструкции ландшафта, как основы для анализа отношений между человеком и природой, но и в понимании комплексного взаимодействия «культуры» и «природы». Таким образом, открывается перспектива, где человек не противопоставляется окружающей среде, а рассматривается как неотъемлемая ее часть [5, с. 85; 6, рис. 7; 1, с. 277 и сл.]¹.

Основываясь на реконструкции исторического ландшафта с одной стороны, и его реального исторического использования с другой, получаем возможность приблизиться к пониманию субъективной оценки окружающей среды человеком прошлого. Встает вопрос, например, о том, какие ресурсы не использовались и, соответственно, какие стратегии землепользования выбирались, даже если они не совсем подходили ландшафту и впоследствии приводили к его разрушению и потере экономической базы данного общества.

Цели исследования Юго-Западного Крыма.

Юго-Западный Крым (рис. 1) предоставляет широкое поле деятельности для применения вышеописанных подходов. Данный регион находится между средиземноморской городской культурой и обществами восточноевропейской степи, часто с кочевническим экономическим укладом. Это обстоятельство ставит вопрос о сосуществовании, соседстве и противодействии разных обществ, проявляющих к ландшафту и его ресурсам совершенно разные интересы. В истории Юго-Западного Крыма постулируются многочисленные миграции и смена населения, что служит основанием для вопроса, в какой мере другое этническое самосознание отражается в ином отношении к окружающей среде. Появление пещерных городищ в эпоху Великого переселения народов, вероятно, не обошлось без воздействия на окружающий ландшафт. Использование таких горных ландшафтов, разделенных на малые пространства и часто неудобных для поселения из-за специфики рельефа, геологии и климата, требует специализированных стратегий землепользования [7]. Здесь особенно отчетливо проявляется значение культуры для сохранения в течение длительного времени стабильного соотношения «человек – окружающая среда». Горный ландшафт Крыма состоит из трех гряд, создающих разные

¹ В большинстве случаев отношение «человек» и «окружающая среда» формулируется как противопоставление.

условия. Средняя гряда, к которой принадлежат Эски-Кермен и Мангуп-Кале, хотя и имеет в сравнении со степным ландшафтом на севере и с яйлами Внешней гряды на юге свои преимущества, все же климат, водный баланс и сложная топография скорее неблагоприятны для освоения территории. Площадь пахотных земель, как и маршруты для перевозки грузов в гористой местности ограничены. Закарстовывание приводит к довольно сложному и сильно отличающемуся на небольших участках соотношению грунтовых вод. Оно характерно для известняковой подстилающей породы, причем в Средиземноморском регионе на протяжении длительного времени обсуждается, какую роль в этом процессе играло античное и средневековое выкорчевывание леса и использование территорий под пастбища [8].

Пещерные городища Эски-Кермен и Мангуп занимают в горном ландшафте Юго-Западного Крыма центральное место. До сегодняшнего дня эти памятники, прежде всего, территория городищ на плато и могильники, остаются объектом археологического изучения [9; 10, с. 75; 11, с. 371-494]. Экспедиция ГАИМК работала на городищах на плато Мангупа и Эски-Кермена, а у подножия последнего обнаружили следы лишь одного средневекового поселения [12, с. 43-46; 13]. Многочисленные могильники византийского времени у подножья обеих гор [9; 14, с. 522-544] и в их окрестностях [15, с. 192-251], однако, указывают на плотное, непрерывное заселение ландшафта в раннее средневековье. Хотя вопросы о сельскохозяйственной округе городищ, об их расположении и инфраструктуре задавались неоднократно [16; 17, с. 415-424], дискуссия затрагивала, главным образом, аспекты материальной культуры, архитектуры и этнической истории. Система землепользования и ее отражение в возделываемых землях, винодавильнях и оросительных системах до сих пор рассматривалась в некоторых аспектах. При интерпретации Мангупа и Эски-Кермена как передовых византийских крепостей или независимых центров региональных государств, удобство их местоположения для путей сообщения, вероятно, учитывалось как второстепенный фактор.

Первой целью исследования с точки зрения археологии поселения и окружающей среды, следовательно, является изучение археологической ситуации на городищах Мангуп и Эски-Кермен (рис. 2). Для реконструкции их снабжения продовольствием, водой, энергией и сырьем важно также выявить неприметные остатки культурного ландшафта. Особое значение здесь имеет локализация сельскохозяйственных угодий в близлежащих и более удаленных окрестностях обоих пещерных городищ, расположение участков леса и свободной от него земли и реконструкция транспортных путей. Детальная топографическая съемка археологических памятников даст полную картину мест находок в этой местности. Проблемы, возникающие из-за плохой сохранности, неточного определения времени использования объектов, находящихся на поверхности земли, и ограниченных шансов их обнаружения, требуют систе-

матической критики источников [18; 19], что возможно, если принять в соображение не только раннее средневековье, находящееся в центре исследовательского интереса, но и более поздние периоды вплоть до современного.

Другая цель состоит в реконструкции исторического ландшафта и его изменений. Речь идет не только о реконструкции его вида, геоморфологии и растительности, но и об их изменениях и факторах, вызывающих таковые. Наряду с изменениями климата – вряд ли в прошлом испытывавшего антропогенное влияние – интересна роль человека. Важнейшее место здесь отводится анализу найденных костей животных и археоботанических остатков. Условия для пыльцевого анализа в этой местности ограничены, так как отсутствуют напластования отложений, осажденных в водной среде. Возможны и многообещающие геоархеологические исследования, которые на основании осадконакопления и почвообразования дают представление о прежней геоморфологии и землепользовании. Сюда входит круг вопросов о последствиях землепользования, например, благодаря улучшению ландшафта, эрозии или увеличивающемуся закарстовыванию.

Еще одна цель в конечном итоге заключается в культурологоисторической и экологоисторической интерпретации. Как реагирует человек на такие изменения? Как они в свою очередь влияют на данное общество? Как окружающая среда ограничивает развитие культуры? Удалось ли раздвинуть эти границы с помощью технических инноваций и адаптации культуры? Какую роль играют при этом традиции? В какой мере модели экологического кризиса помогают понять процессы изменения культуры? Эта цель достижима, скорее, в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Она требует теоретического отражения нашего понимания истории, понятий «природа» и «культура» и характера изменения культуры. На практике речь идет о том, чтобы установить причинно-следственные связи, собственно ход развития процессов с одной стороны, а с другой, используя археологические источники, роль традиций. Осуществить это можно только применив сравнительные методы. Корреляции различных процессов необходимы для определения характера взаимосвязей. Сравнение потенциала и реального экологического поведения человека открывает доступ к субъективному восприятию человека прошлого. Если эти абстрактные рассуждения применить к области нашего исследования в Юго-Западном Крыму, то речь, например, пойдет о том, чтобы сравнить развитие совокупности поселений – важного элемента землепользования – с развитием в других регионах. Развитие пещерных городищ Эски-Кермена и Мангупа отражает процесс централизации, наблюдающийся в различных регионах в разные эпохи. Важнейшие возможности для сравнения предоставляет хорошо изученный в Западном Средиземноморье процесс «encastellamento» с его социально-исторической обусловленностью и, скорее, обратный процесс деурбанизации в ранневизантийских провинциях.

Ключом к культурологической атрибуции крымского ландшафта может послужить противопоставление «скифской», «аланоготской», традиционной татарской и, наконец, современной систем землепользования. Анализ полезного потенциала на основании природных условий открывает еще одно направление сравнения.

Археологическая разведка 2007 и 2008 гг. в горном ландшафте Юго-Западного Крыма (рис. 1).

В рамках отдельного научного проекта эти всеохватывающие цели недостижимы, поэтому непосредственно экологоархеологическая программа рассчитана на выполнение отдельных исследований, чтобы вначале получить определенные отправные точки.

Методика работ следует принципам экстенсивной археологии [20], проверенным в проектах в Центральной Европе [21; 22]. Большое внимание здесь уделяется разведкам, включающим разные виды работ: после первого осмотра местности и визуального изучения карт и аэрофотоснимков выбираются отдельные участки, на которых проводятся систематические исследования. Выбранные участки должны представлять разные типы ландшафта в окрестностях известных памятников. В ближайшей окрестности Мангупа был выбран участок на юге–юго-востоке вокруг горы Бабуган и плато Чардакли-Баир севернее Мангупа. Весной 2007 г. начались систематические изыскания в округе Эски-Кермена и Мангупа. В них участвовали немецкие и украинские студенты, которые в ходе двух полевых сезонов познакомились с основами и принципами полевых работ. В 2007/08 гг. проводились разведки в окрестностях Эски-Кермена. В некоторых местах находок производилась топографическая съемка и/или геофизическая разведка и шурфование.

Важнейшим видом работ при этом являются геофизические. В Средиземноморском регионе этот метод используется уже давно и традиционно [23], в последнее время применяется и в Крыму [24, с. 707-741; 25]. Анализ и интерпретация результатов во многом зависят от способа проведения работ [23; 26, с. 39-72], поэтому уделим внимание методике.

Работы в открытом поле заключались, в первую очередь, в поиске находок. Группы из 12 человек, шедших в цепи на расстоянии 5 м друг от друга, осматривали поле. На месте исследуемые участки отмечались на карте, координаты их границ определялись с помощью GPS. Информация об условиях разведок заносилась в протокол. Данные о хорошей или плохой видимости, например, важны для критической интерпретации результатов. Находки сначала помечали флажками и после первой проверки определяли их местоположение с помощью GPS навигатора. При этом записывалась первичная дефиниция находок (фрагменты керамики, черепица, мелкие находки, артефакты из кремня) и для последующей идентификации номер точки съемки GPS. Степень скопления находок, спектр находок, покатость склона и другие факторы, как, например, современная обработка земли, позволяют установить, является ли находка археологическим

артефактом. На этом основании выбирались участки для геофизической разведки, которую летом 2007 г. провел Венский институт археологических исследований (Vienna Institute for Archaeological Science).

На участках, покрытых лесом, где почти невозможно обнаружить находки, лежащие на земле, фиксировались, прежде всего, антропогенные структуры ландшафта, такие как края террас, каменные ригели и стены, груды камней, развалины зданий или террасы дорог. Предварительное определение координат здесь также осуществлялось GPS навигатором. Однако при таком картографировании получается только грубый эскиз, так как из-за плохого приема GPS в лесу возникает много неточностей. Как раз это послужило причиной, почему разведки проводились весной, до появления листвы. Планы, пригодные для интерпретации, предполагают детальную съемку, которую ввиду большого расстояния можно выполнить только с помощью лазерного сканирования с воздуха (Airborne Laserscanning LIDAR [27, с. 258-261; 28, с. 137-156]).

Элементы ландшафта, как правило, трудно датировать. Поэтому сначала регистрировались все элементы, кроме явно современных, как, например, артефакты Второй мировой войны или следы землеустройства, дорожного строительства, лесопосадок и гидротехнического строительства. Тем не менее, они тоже протоколировались, так как это недавнее нарушение земляного покрова является критерием для критической оценки результатов разведок.

Третья фаза работ в 2008 г. состояла из контрольных раскопок² и исследований почвы. Аномалии геофизической разведки, соответственно особые структуры ландшафта изучались с помощью 18 точно вымеренных шурфов (1х3 м). Здесь не ставилась цель проводить полномасштабные раскопки: требовалось только получить дополнительную информацию, необходимую для датировки. Так как в случае со структурами ландшафта и при соответственно ограниченном размере шурфов не приходится рассчитывать на большое количество информативного материала, были взяты пробы древесного угля для радиоуглеродного метода датировки.

Первые результаты.

Таким образом, в ходе геофизических работ были зафиксированы многочисленные развалины зданий, каменные ригели, пахотные террасы, груды крупных камней и руины производственных сооружений (производство черепицы), сохранившихся под лесом. С помощью современных способов обработки данных удалось идентифицировать более 20 объектов, представляющих собой самые различные элементы ландшафта. В большинстве случаев речь идет о гудах крупных камней и каменных ригелях, указывающих скорее не на само поселение, а на его земельные площади хозяйственного назначения.

² Исследования проводились совместно с С. Лукиным и С. Чернышом (Мангупская экспедиция под руководством А.Г. Герцена).

Поселения юго-восточнее Мангупа.

Многочисленные остатки поселений выявлены юго–юго-восточнее Мангупа у подножья гор Каладжи, Килиса и Кая-Баш (около 500-600 м выше нулевой отметки). Здесь отдельные каменные ригели, стены и груды камней, оставшиеся от зданий, находились чаще всего вблизи родников. Чтобы уточнить результаты детального исследования на поверхности, на пяти участках вблизи гор Каладжи и Килиса разбили небольшие, неглубокие раскопы. Единичные образцы плоской черепицы и фрагменты амфор указывают на средневековье, более точная датировка пока невозможна. В общей сложности здесь обнаружено 13 небольших поселений и отдельных усадеб.

С помощью раскопа у подножия горы Кая-Баш мы получили информацию о стратиграфии террасы, вероятно, искусственного происхождения. Обнаруженная здесь яма подтверждает локализацию поселения.

В балке Суодкан и на прилегающих высотах в нескольких местах найдены свидетельства средневекового производства черепицы. Здесь разбили два раскопа, благодаря чему определили местоположение печи и на склоне русла ручья зафиксировали профиль мусорной ямы (рис. 5).

Остатки сельскохозяйственной деятельности на плато Чардакли-Баир (рис. 3; 4).

К северу от Мангупа в нижней северной части плато Чардакли-Баир (200-500 м выше нуля) на участке площадью 4 км² сохранились остатки сельскохозяйственной деятельности с каменными ригелями и сотнями нагромождений крупных камней. Они представляют собой парцеллы, сосредоточившиеся в нижней части склона. Всю его верхнюю часть занимают выветренные каменные глыбы. Площадки и небольшие мульды единичны. На отвесном южном склоне удобные для подъема места перегораживались стенами из сухой кладки. Вероятно, территорию выше поселения использовали под пастбища.

Здесь исследования различных остатков проводили, разбив на одном участке несколько небольших раскопов. Скопление камней изучалось в длинном поперечном разрезе; возле каменных ригелей, краев террас и малых мульд и предполагаемых развалин стен закладывались шурфы. Всего было разбито, раскопано, согласно принципам стратиграфии и паспортизировано 11 раскопов.

В ходе шурфования обнаружена обложенная камнями яма, из которой извлекли большое количество керамических фрагментов IV-V вв. Почти у поверхности скопления крупных камней вблизи нее найдены разбитые недавно амфоры IV-V вв.³, что свидетельствует об использовании участка в эпоху Великого переселения народов. Радиоуглеродное исследование, однако, установило, что эти сельскохозяйственные угодья имеют более сложный и более продолжительный генезис. Упомянутая груда камней берет свое начало

³ Предварительная датировка О. Ивановой, А. Герцена.

на несколько столетий раньше. Проба древесного угля с ее основания показала градуированный радиоуглеродный возраст 1741-1599, 1596-1531 BC. Неолитические кремневые артефакты и фрагмент из свинца подтверждают использование участка в доисторическую эпоху.

Каменные ригели и остатки сооружений относятся к более поздней фазе землепользования. Большинство датировок радиоуглеродным методом отсылают к позднему средневековью или раннему новому времени. Единичными находками являются несколько покрытых глазурью керамических фрагментов из вышеописанной ямы.

Проведенные исследования наилучшим образом подходят для изучения генезиса остатков культурного ландшафта, что наблюдалось в других регионах [29, с. 122-142]. Следовательно, использование, чаще всего, начинается с отдельных груд крупных камней и в дальнейшем приводит к образованию более сложных структур с каменными ригелями и террасами.

Геофизическая разведка на одном из немногих открытых участков выявила магнитные аномалии, свидетельствующие о том, что здесь существовало поселение. Это подтвердили три заложённых шурфа, привязанных к различным аномалиям. При этом, например, было установлено, что некоторые круглые аномалии можно определить как воронкообразные ямы для хранения запасов. В отличие от керамических фрагментов, обнаруженных в шурфах в лесу – в основном обожжённые гончарные изделия – в поле главным образом встречается лепная керамика⁴. Радиоуглеродный метод позволяет датировать ее IV-III вв. до н.э.

Вне леса, на поле на противоположном склоне примыкающей с севера сухой балки (южнее Узун-Тарлы) обнаружено скопление керамики эпохи Великого переселения народов. Геоманитная разведка показала многочисленные аномалии. Вопрос о том, являются ли они археологическими артефактами, требует дальнейших исследований.

Землепользование и ресурсы.

Хотя многочисленные путевые заметки и описывают горы Юго-Западного Крыма как идиллический зеленый ландшафт, здесь наблюдается сложный водный баланс. Осадки относительно обильные; поверхностная вода быстро уходит и просачивается в карст. К проблемным принадлежат, в первую очередь, сильно закарстованные пещерные регионы Внешней гряды, где дождевая вода сразу просачивается в карст и не образуется поверхностных вод [30, с. 41]. В окрестностях Эски-Кермена и Мангупа также присутствуют следы закарстованности, но здесь она, в основном, объясняется поверхностным выветриванием⁵. Существует несколько горизонтов грунтовых вод, но для большинства

⁴ Атрибуция керамики О. Ивановой.

⁵ Я выражаю благодарность проф. В.М. Шумскому (г. Симферополь) за его указания.

поселений они залегают не благоприятно. Условия водоснабжения отличаются на небольших участках ландшафта, поэтому стратегии его организации различны. Как на Мангупе, так и на Эски-Кермене сооружались сложные глубокие колодцы, более простые колодцы известны в оставленном жителями поселении у села Богатое ущелье в балке Суодкан, где условия водоснабжения лучше. В какой мере в сельских поселениях использовали сложные колодцы, неясно. Многие из них расположены вблизи родников, а в поселения у подножья Эски-Кермена и Мангупа вода из водоносного слоя, лежащего высоко на склоне, поступала по водопроводам [12]. Следы плотин указывают на то, что небольшие искусственные пруды служили водохранилищами. Вопрос о том, как культурологически и хронологически дифференцировать эти разнообразные методы водоснабжения, остается открытым.

Обращают на себя внимание многочисленные груды крупных камней и каменные ригели, которые встречаются в разных частях ландшафта. Раскопки на Чардакли-Баир показали, что, по меньшей мере, часть из них относится к эпохе Великого переселения народов и, возможно, к еще более ранним периодам. Груды крупных камней могли образоваться при разных видах землепользования – на пастбищах или на экстенсивно используемых полях, реже – на пахотных землях, которые, в основном, связывают с крупными каменными ригелями. Каменные ригели и террасы на Чадакли-Баир свидетельствуют о парцеллировании, размежевании отдельных площадей сельскохозяйственных угодий. Вероятно, террасы и каменные ригели прежде зарастали живыми изгородями, которые с одной стороны служили оградами и позволяли выгнать скот для удобрения определенного поля в период, когда оно лежало под паром, с другой стороны защищали от ветра и эрозии почвы. Таким образом, для реконструкции экономического уклада соответствующие объекты являются важнейшим источником [31; 32; 33, с. 57-76; 34, с. 117-214; 35; 22].

Методика исследования позволяет дифференцировать разное пользование земель данного ландшафта. Результаты разведок показали, что горы южнее Мангупа использовались уже в доисторическое время. Расположение могильников эпохи Великого переселения народов или раннего средневековья указывает на центральное значение долин. Насколько дифференцированным было землепользование, при котором главные поселения и поля – как и имеющие для общины большое значение места погребения – находились в долине, а горные яйлы использовались для выпаса скота и заготовки древесины? В новое время территории татарских деревень в долине охватывали большие участки холмогорья, где находились удаленные сельские усадьбы. В этом контексте интересны также оба поселения, которые А.Л. Якобсон исследовал в 1950-е годы у сел Новобобровка и Передовое. Они датируются VIII-IX вв., а отдельные остатки строений в Новобобровке – V-VII вв. [16]. Здания с каменным фундаментом, растянувшиеся вдоль склонов долины, наводят на

мысль о группах неплотно застроенных поселений. Каменные ригели, террасы и груды крупных камней в округе поселений обозначают прежние хозяйственные угодья. Однако поселения отличаются своим топографическим положением (около 350 м выше нуля), которое обуславливает разный сельскохозяйственный потенциал. Новобобровка и Передовое, лежащие на северной оконечности Байдарской котловины, осваивают в хозяйственных целях как горный ландшафт на севере, так и плодородную долину на юге.

Выявленные на Чардакли-Баир следы тоже свидетельствуют о таком дифференцированном землепользовании. Остатки парцелл и сохранившиеся следы поселений расположены, как правило, ниже, в то время как выше находятся небольшие участки с грудями крупных камней; небольшие сельские усадьбы встречаются и в нижней, и в верхней части склона. Стены, преграждающие немногие места, пригодные для подъема по обрывистому южному склону, дополнены стенами из сухой кладки, возможно, ограждениями для скота.

Эрозия и изменение ландшафта.

Горы Юго-Западного Крыма покрыты лесом и в настоящее время все еще редко населены. Уже в позднее средневековье их население сократилось, что подтверждается в большей степени не археологическими источниками, а османскими списками уплативших сборы и ранними путевыми заметками. В XX веке Вторая мировая война и переселения в советский период привели к тому, что значительные участки региона обезлюдели.

Если большое число могильников эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья в Юго-Западном Крыму означает большую плотность населения, то геоархеологическое изучение свидетельствует о масштабной вырубке леса и показывает последствия интенсивного землепользования в средние века. Так, исследования окрестностей Херсонеса в долине реки Черная выявили крупные свалки [36, с. 1438-1501; 37, с. 263-277; 38, с. 425-447]⁶. Морские отложения показывают, что Инкерманская бухта когда-то больше врезалась в материк. Здесь осадочные отложения, вероятно, по большей части нанесены водой с востока – с гор южнее Мангупа. Толчок для эрозионных процессов в условиях голоцена, как правило, дает деятельность человека, поэтому они являются важнейшим свидетельством интенсивного землепользования. Эрозионные процессы в Крыму – это распространенное явление [30, с. 40]. Сегодня решить эту проблему пытаются террасированием и лесопосадками.

Некоторые результаты разведок 2007 г. позволяют сделать вывод о том, что эрозия в новой ландшафтной истории исследуемого участка действительно играет важную роль. В долинах в местах естественного обнажения пород

⁶ Информация об исследованиях в долине реки Черная, предоставленная П. Леманом, не опубликована. О соответствующих исследованиях на Гераклейском полуострове смотри в указанных в тексте работах.

наблюдаются мощные напластования осадочных отложений; результаты геофизической разведки в Джан-Дере севернее Мангупа тоже указывают на это. Здесь находятся две почти неразличимые возвышенности, которые, согласно геофизической разведке, интерпретируются как наносные курганы. С помощью георадара определили местонахождение других курганов и остатков, вероятно, средневековых зданий, также находящихся под наносами⁷. В гористой местности южнее Мангупа встречаются многочисленные глубокие и – из-за своего положения под лесом – еще активные эрозионные русла. Сложно определить время их образования. В месте находок Суодкан I такое эрозионное русло пересекает средневековую мусорную яму. На расположенном поблизости конусе выноса также находятся смещенные остатки средневековых мастерских по производству черепицы. Тем самым это место находок дает первый импульс к пониманию причин изменения ландшафта и позволяет допустить существование связи между производством черепицы и эрозионными процессами. Аналогии черепице, найденной в шурфах, обнаружены на Мангупе, Эски-Кермене, а также в Херсоне [39, с. 36-59, рис. 3]. Эти находки поднимают вопрос о масштабах организованного в горах производства черепицы. В окрестностях действительно находится, по меньшей мере, еще четыре скопления бракованной черепицы. С точки зрения топографии путей сообщения мастерские имеют неудобное положение. Возможно, масштабная вырубка леса на низких участках послужила причиной, почему пришлось использовать лесные ресурсы в горах далеко от административных центров.

Результаты первого сезона разведок 2007 г. послужили основанием для того, чтобы немецкий фонд Тиссена (Thyssen-Stiftung) в начале 2008 г. дал согласие на выполнение дополнительного исследовательского проекта «Пугубные последствия использования горного ландшафта – экологоархеологическое изучение Юго-Западного Крыма». Цель проекта состояла в проведении геоархеологических исследований, определении размера и периодизации эрозионных фаз и возможного значения средневекового выкорчевывания леса. Вместе с П. Леманом (University of Texas, Остин) мы заложили три шурфа, с помощью которых исследовали осадочные отложения в балках вокруг Мангупа. Сейчас осуществляется анализ полученного материала.

В ходе исследований на Чардакли-Баир получены свидетельства трудностей землепользования, с которыми жители региона сталкивались в эпоху Великого переселения народов и средневековье. Само наличие многочисленных и часто невероятно больших груд крупных камней отражает усилия, прилагаемые для освобождения полезных площадей. Верхние части склона Чардакли-Баир, густо покрытые выветренными каменными глыбами и из-за этого почти

⁷ Геофизическую разведку провели В. Нойбауер и К. Лёкер, сотрудники Венского института археологических исследований.

непроходимые, очевидно, показывают исходную ситуацию и объясняют большие размеры груд крупных камней. Социально-историческая интерпретация зависит от времени, которое уходило на подготовку полей. Если предварительные работы выполнялись в течение короткого срока, то, вероятно, они производились общиной. Датировка IV-V вв. отсылает нас в контекст «аланоготской» колонизации и самой ранней фазы существования поселения на Мангупе.

Однако расчищенные от растительности и камней участки подвергались воздействию плоскостной и частично также линейной эрозии. В руслах ручьев на Чардакли-Баир можно наблюдать последствие обильных осадков, когда массы воды, пока они не потеряют в силе в нижней части склона и уйдут в грунт, обладают энергией, достаточной для того, чтобы передвигать не только почву, но и каменные глыбы, и большие нагромождения сухостоя. По профилю одного из каменных ригелей можно проследить, как он лежал на нескольких наносных слоях. Только один слой, возможно, представляет собой целенаправленно созданную галечную насыпь. Таким образом, террасы и каменные ригели воплощали реакцию человека на опасность эрозии. Полученные – пока предварительные – результаты анализа керамики позволяют предположить, что поля Чардакли-Баир, а также в других местах, использовались краткосрочно. Встает вопрос о роли эрозии как процесса, приводившего, в конечном итоге, к отказу от использования полей. Проведенное в недавнем прошлом порослевое насаждение, вероятно, препятствует эрозионному воздействию.

Центральным вопросом будущих работ станет точное определение фаз поселения. Если дальнейшие исследования подтвердят предварительный вывод, что существование многих поселений ограничивается IV-V вв., то это следует сопоставить с фазами существования могильников. Синхронность не обязательна, так как прерывность поселений может означать успешную экономическую или экологическую адаптацию населения к изменяющимся условиям.

Комплекс поселений в раннее средневековье.

Городища на плато Мангупа и Эски-Кермена занимали значительное место среди раннесредневековых поселений. Хотя в их ближайшей округе находятся оборонительные сооружения Сюрень и Пампук-Кая, но они отличаются по своему характеру. Первое представляет собой крепость средневизантийского времени, расположенную на выступе скалы над долиной реки Бельбек. На плато перед ней находится еще одно оборонительное сооружение, возможно, с несколькими зданиями [40, с. 61]. На Пампук-Кая речь идет о небольшом укреплении VIII в., сооруженном вокруг базилики, также возвышающейся на открытом краю скалы над Бельбекской долиной [16, с. 110 и сл.].

Для эпохи Великого переселения народов и ранневизантийского времени характерны неукрепленные поселения. Об этом свидетельствует, в первую очередь, местоположение могильников. Даже если сложно определить, какому поселению принадлежал могильник и на этом основании локализовать

поселение, то можно проследить определенную топографию местонахождения могильников. В большинстве случаев они находятся на нижнем склоне вблизи устья боковой балки. Принадлежность укрепленному пещерному поселению в большинстве случаев не выявлена. Другое свидетельство дали результаты геофизических исследований. Вблизи поселений Чардакли-Баир и Узун-Тарла, расположенных в незащищенных и, вероятно, неукрепленных местах, находки из Джан-Дере, балки Адым-Чокрак и в горах указывают на существование большого числа других неукрепленных поселений. Выводы об их хронологии, размере и внутренней структуре пока преждевременны.

Эволюция «пещерных городов» Крыма рассматривается, прежде всего, с точки зрения регионального ландшафта поселений и в сравнении с аналогичным развитием в других регионах [41].

Одним из важнейших признаков перехода от античности к средневековью является развитие городских структур. В Восточном Средиземноморье (рис. 6) региональные исследования и археологические разведки выявили многочисленные изменения структуры поселений [42, с. 351-364; 43; 44]. В позднюю античность фиксируется упадок городской жизни, при этом существенные региональные отличия проявляются в продолжительности и характере структурных изменений. Различные исторические события играют такую же роль, как природные условия. В ранневизантийский период наблюдается процесс деурбанизации, вызвавший сокращение численности жителей городов, территории поселений и их функций. Роль города как административного центра изменилась, также как и его значение, как центра ремесленного производства и потребления. Это оказало влияние не только на архитектурный облик городов, но и на отношение города к его округе, важное для археологии поселения и окружающей среды. В VII-IX вв. в отдельных регионах произошло полное прекращение городских традиций [45, с. 119-157]. На возвышенностях появляются небольшие укрепленные поселения. Иногда они возникают вблизи античных городов, стены римского времени которых утратили былое значение. Исследователи описывают этот процесс выражением «от полиса к крепости» [46, с. 9-26; 47, с. 176-208; 48, с. 60-80; 49, с. 435-475]. В письменных источниках вместо понятия «πόλις» используется «кастро». Прокопий понятие «кастро» употребляет довольно широко, как для классического античного города, так и крепости или укрепленного поселения [50, с. 28 и сл.]. Изменение структуры в ранневизантийское время фиксируется также в сельском пространстве Восточного Средиземноморья. Единые группы поселений, начиная с IV в., сменяются укрепленными нагорными поселениями, которые можно также обозначить как «кастро». Например, в ранневизантийское время этот процесс наблюдается в Сербии [51, с. 159-192] или Малой Азии [50].

В отличие от процесса «incastellamento» на западе, который прослеживается с IX в. [52, с. 377-391; 53, с. 385-599], здесь речь идет, в большей степе-

ни, об изменении топографии поселений, а не об их концентрации. Социальные структуры таким образом сложившихся средневековых поселений тоже различны. «Castrum» на западе – это укрепленная усадьба господина внутри укрепленного селения, в то время как «кастрон» на востоке характеризуется как укрепленное поселение без внутренней социальной дифференциации. Контраст между городом и сельским поселением сглаживается [54, с. 141-172; 43, с. 323; 50, с. 118 и сл.].

В Крыму развитие в некоторых пунктах отклоняется от этой грубой основной модели византийского центра. С одной стороны, облик поселений определяют неукрепленные поселения, как они представлены на Чардакли-Баир, в горах или на краю Байдарской котловины, а с другой, античные городские поселения в Горном Крыму не известны. Только у с. Родное разведки показали наличие укрепленного поселения. Хотя Эски-Кермен и Мангуп расположены в давно заселенном регионе, однако им не предшествовали античные города. Центральные поселения образовались в горах не в процессе деурбанизации. Они возникли в результате смены населения, а вместе с ним и традиций. Неоднократно цитированное описание Прокопия о том, что готы в «Дори» не любили жить «за стенами» и предпочитали жизнь на открытом месте, дополняет общую картину. Император Юстиниан I (527-565) поэтому отказался от строительства городов (πόλεις) и укреплений (φρούρια) и стенами защитил только подходы к их стране⁸. Допускаем, что Прокопий намекает на ландшафт Крыма с характерными неукрепленными поселениями, который составлял примечательную для современников противоположность ландшафтам центра византийских владений. Развитие поселений в горах является, следовательно, индикатором изменений отношений власти и системы ценностей.

Вывод.

Горный ландшафт в округе Мангупа и Эски-Кермена со своими остатками древних угодий представляет собой в высшей степени интересный и многообразный культурный ландшафт. Осуществляемый в настоящее время анализ собранных данных, находок и шурфований позволяет сделать определенные выводы. Предварительные результаты уже сейчас подтверждают колоссальный потенциал для экологоисторического изучения и информативность экстенсивной ландшафтной археологии. Подробное изучение с целью хронологической дифференциации остатков землепользования станет предметом будущих проектов.

Перевод Д.А. Шалыги

⁸ Procopius, De aedificiis (lib. 1-6) / Ed. G. Wirth (post J. Haury), Procopii Caesariensis opera omnia, vol. 4. Lipsiae, 1964, lib. 3, с. 7, 16 [цит. по: 55, с. 105-118].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lüning J. Landschaftsarchäologie in Deutschland – Ein Programm // Arch. Nachrbl. 1997. 2/3.
2. Evans J.G., O'Connor. Environmental archaeology. Principles and Methods. Stroud, 2005.
3. Butzer K.W. Archaeology as human ecology. Cambridge, 1982.
4. Knopf T. (Изд.). Umweltverhalten in Geschichte und Gegenwart. Tübingen, 2008.
5. Renfrew C., Bahn P.G. (Изд.). Archaeology. London, 2006.
6. Jankuhn H. Einführung in die Siedlungsarchäologie. Berlin, 1977.
7. Die Besiedlung der höheren Mittelgebirge // Arbeitskreis für genetische Siedlungsforschung (Изд.). Siedlungsforschung. Bonn, 1992. Band 10.
8. Thirgood J.V. Man and the Mediterranean forest. London, 1981.
9. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
10. Ajbabin A.I. A Byzantine fortress on Eski-Kermen Mountain in Crimea // Jeffreys E.M., Haarer F.K., Gilliland J. (Изд.). Proceedings of the 21st international congress of byzantine studies. London, 21-26.08.2006. Vol. III.
11. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
12. Веймарн Е.В. Отчет о работах по раскопкам древнего водопровода в районе городища Эски-Кермен в 1931-1933 гг. // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 гг.
13. Могаричев Ю.М., Герцен А.Г. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1996.
14. Maczyńska M., Gercen A. Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-Dere bei Mangup auf der Krim // Maczyńska M. (Изд.). Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.
15. Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг. // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
16. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. 1970. Вып.168.
17. Ajbabin A. On Byzantium's Northern Border: The Rural Population of the Mountainous Crimea in the 6th to 9th Centuries // Lefort J., Morrisso C., Sodini J.-P. (Изд.). Les Villages dans l'empire byzantin. IVe-XVe siècle. Réalités byzantines. Paris, 2005. Vol. 11.
18. Schiffer M.B. Formation process of the archaeological record. Salt Lake City, 1987.
19. Goldberg P., Nash L., Petraglia M. (Изд.). Formation processes in archaeological context // World Arch. Madison, Wisconsin, 1993. Vol. 17.
20. Noyé G. (Изд.). Structures de l'habitat et occupation du sol dans les pays méditerranéens. Les methodes et l'apport de l'archéologie extensive // Coll. École Franç. Rome. Rome, 1988. Vol. 105.
21. Knipper C. и др. The Neolithic Settlement Landscape of the Southeastern Swabian Alb (Germany). Jungsteinsite, 2005. Режим доступа – http://www.jungsteinsite.uni-kiel.de/2005_knipper/Knipper_et_al_2005_low.pdf.
22. Schreg R. Development and abandonment of a cultural landscape – archaeology and environmental history of medieval settlements in the northern Black Forest // Aberg A. (Изд.). Medieval Rural Settlement in Marginal Landscapes. Rurallia. Prague, Vol. 7 (в печати).
23. Alcock S.E., Cherry J.F. (Изд.). Side-by-Side Survey: Comparative Regional Studies in the Mediterranean World. Oxford, 2004.
24. Carter J.C. и др. The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine // Am. Journal Arch. 2000. Vol. 104.
25. Guldager Bilde P., Stolba V.F. (Изд.). Surveying the Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective // Black Sea Studies. Aarhus, 2006. Vol. 4.
26. Witcher R. Broken pots and meaningless dots? Surveying the rural landscapes of Roman Italy // Papers Brit. School Rome. 2006. Vol. 74.

27. Sittler B. Revealing historical landscapes by using airborne laserscanning: a 3-d model of ridge and furrow in forests near Rastatt (Germany) // Thies M. (Изд.). Laser-Scanners for Forest and Landscape Assessment. Proceedings of the ISPRS working group VIII/2. Freiburg, 3-6.10.2004. International Archives of Photogrammetry, remote sensing and spatial information sciences. Freiburg, 2004. Vol. 36, part 8/W2.
28. Doneus M., Briese C., Kühtreiber T. Flugzeuggetragenes Laserscanning als Werkzeug der archäologischen Kulturlandschaftsforschung // Arch. Korrbibl. 2008. Vol. 38.
29. Evans H. After the axe: ways into the upland landscapes of Cumbria // Chadwick A.M. (Изд.). Recent Approaches to the Archaeology of Land Allotment. British Archaeological Reports, International Series. Oxford, 2008. Vol. 1875.
30. Басров М. (Изд.). Автономна Республіка Крим – The Autonomous Republic of Crimea. Атлас. Київ, Сімферополь, 2004.
31. Denevan W.M., Mathewson K., Knapp G. (Изд.). Pre-Hispanic Agricultural Fields in the Andean Region // British Archaeological Reports, International Series. Oxford, 1987. Vol. 359.
32. Häggström L. Landskapsutnyttjande, bete och odling på Sydsvenska höglandet under äldre järnålder // GOTARC series B, Gothenburg archaeological theses. Jönköping, 2005. Vol. 34.
33. Petersson M. Ancient Fields Excavated // European Journal of Archaeology. 1999. Vol. 2.
34. Goguy D., Bénard J. Un finage protohistorique et gallo-romain dans les forêts communales du Châtillonnais (rive droite de la Digeanne, Côte-d'or) // Rev. Arch. Est. 2001/2002. Vol. 51.
35. Hildebrandt H., Heuser-Hildebrandt B., Stumböck M. (Изд.). Flurrelikte, Meilerplätze und ein Niedermoor in der Wüstungsgemarkung Horb bei Ebrach. Ebrach, 2001.
36. Cordova C.E., Lehman P.H. Archaeopalynology of synanthropic vegetation in the chora of Chersonesos, Crimea, Ukraine // Journal Arch. Science. 2003. Vol. 30.
37. Cordova C.E., Lehman P.H. Holocene environmental change in southwestern Crimea (Ukraine) in pollen and soil records // The Holocene. 2005. Vol. 15.
38. Cordova C.E., Lehman P.H. Mediterranean agriculture in southwestern Crimea: paleoenvironments and early adaptations // Peterson D., Popova L., Smith A.T. (Изд.). Beyond the Steppe and Sown, the Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology. Colloquia Pontica. Leiden, 2006. T. 13.
39. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.
40. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
41. Герцен А.Г., Махнева О.А. Пещерные города Крыма. Севастополь, 2006.
42. Cherry J.F., Davis J.L., Mantzourani E. Introduction to the Archaeology of Post-Roman Keos // Cherry J.F., Davis J.L., Mantzourani E. (Изд.). Landscape archaeology as long-term history. Northern Keos in the Cycladic Islands from earliest settlement until modern times. Monumenta archaeologica. Los Angeles, Calif, 1991. Vol. 16.
43. Hodges R., Bowden W. (Изд.). Byzantine Butrint. Oxford, 2005.
44. Schreg R. Das Umfeld der Höhlenstädte Mangup und Eski Kermen auf der südwestlichen Krim – eine Siedlungslandschaft in der Peripherie des byzantinischen Reiches // Siedlungsforsch. Vol. 25 (в печати).
45. Niewöhner P. Archäologie und die «Dunklen Jahrhunderte» im byzantinischen Anatolien // Henning J. (Изд.). Byzantium, Pliska, and the Balkans. Millennium-Studien. Berlin, 2007. Band 5,2.
46. Brandes W. Die Entwicklung des byzantinischen Städtewesens von der Spätantike bis ins 9. Jahrhundert // Matschke K.P. (Изд.). Die byzantinische Stadt im Rahmen der allgemeinen Stadtentwicklung. Leipzig, 1995.
47. Brandes W. Die byzantinische Stadt Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert – ein Forschungsbericht // Klio. 1988. Vol. 70.
48. Dunn A. The transition from polis to kastron in the Balkans (III-VII cc.): general and regional perspectives // Byzantine and Modern Greek Studies. 1994. Vol. 18.

Шрег Р. К вопросу изучения освоения округа Мангупа и Эски-Кермена...

49. Müller-Wiener W. Von der Polis zum Kastron. Wandlungen der Stadt im Ägäischen Raum von der Antike zum Mittelalter // Gymnasium. 1986. Vol. 93.
50. Brandes W. Die Städte Kleinasiens im 7. und 8. Jahrhundert // Berliner byzantinistische Arbeiten. Berlin, 1989. Band 56
51. Milinković M. Stadt oder «Stadt»: Frühbyzantinische Siedlungsstrukturen im nördlichen Illyricum // Henning J. (Изд.). Byzantium, Pliska, and the Balkans. Millennium-Studien. Berlin, 2007. Band 5,2.
52. Toubert P., Byzantium and the Mediterranean Agrarian Civilization // Laiou A.E. (Изд.). The economic history of Byzantium. Dumbarton Oaks studies 39. Washington, DC, 2002. Т. 39/1.
53. Hubert E. L'incastellamento dans le Latium. Remarques a propos de fouilles récentes // Annales (HSS). 2000. Vol. 55/3.
54. Brandes W., Haldon J. Towns, Tax and Transformation: State, Cities and their Hinterlands in the East Roman World, c. 500-800 // Pietro Brogiolo G. (Изд.). Towns and their territories between Late Antiquity and the Early Middle Ages. The transformation of the Roman world. Leiden, 2000. Vol. 9.
55. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II.

Шрег Р.

До питання вивчення освоєння округи Мангупа та Ескі-Кермена в епоху Великого переселення народів і середні століття з точки зору археології поселення і довкілля

Резюме

Гірський ландшафт в окрузі Мангупа і Ескі-Кермена зі своїми залишками древніх угідь є вкрай цікавим і багатообразним культурним ландшафтом. Аналіз зібраних даних, знахідок і шурфувань, що здійснюється в даний час, дозволяє зробити певні висновки. Попередні результати вже зараз підтверджують колосальний потенціал для екологоісторичного вивчення і інформативність екстенсивної ландшафтної археології. Детальне вивчення з метою хронологічної диференціації залишків землекористування стане предметом майбутніх проектів.

Шрег Р.

К вопросу изучения освоения округа Мангупа и Эски-Кермена в эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды

Резюме

Горный ландшафт в округе Мангупа и Эски-Кермена со своими остатками древних угодий представляет собой в высшей степени интересный и многообразный культурный ландшафт. Осуществляемый в настоящее время анализ собранных данных, находок и шурфовок позволяют сделать определенные выводы. Предварительные результаты уже сейчас подтверждают колоссальный потенциал для экологоисторического изучения и информатив-

ность экстенсивной ландшафтной археологии. Подробное изучение с целью хронологической дифференциации остатками землепользования станет предметом будущих проектов.

Rainer Schreg

**Siedlungs- und umweltarchäologische Forschungsfragen zur
völkerwanderungszeitlichen und mittelalterlichen Besiedlung im Umfeld von
Mangup und Eski Kermen**

Fazit

Das Bergland um Mangup und Eski Kermen bietet mit seinen Altflurrelikten eine hochinteressante, vielfältige Kulturlandschaft. Nach der derzeit laufenden Aufarbeitung der inzwischen gesammelten Daten, der Funde und der Sondagen werden konkretere Aussagen möglich sein. Die vorläufigen, in vielem noch spekulativen Ergebnisse zeigen aber schon jetzt das enorme Forschungspotential für umwelthistorische Fragen und die Aussagemöglichkeiten einer extensiven Landschaftsarchäologie. Eine detaillierte Erforschung, die vor allem auch zu einer näheren chronologischen Differenzierung der Landnutzungsrelikte führen muss, bleibt ein Desiderat und sollte in künftigen Projekten bearbeitet werden.

Рис. 1. Крым. Важнейшие античные и средневековые памятники (графика М. Обер / RGZM).

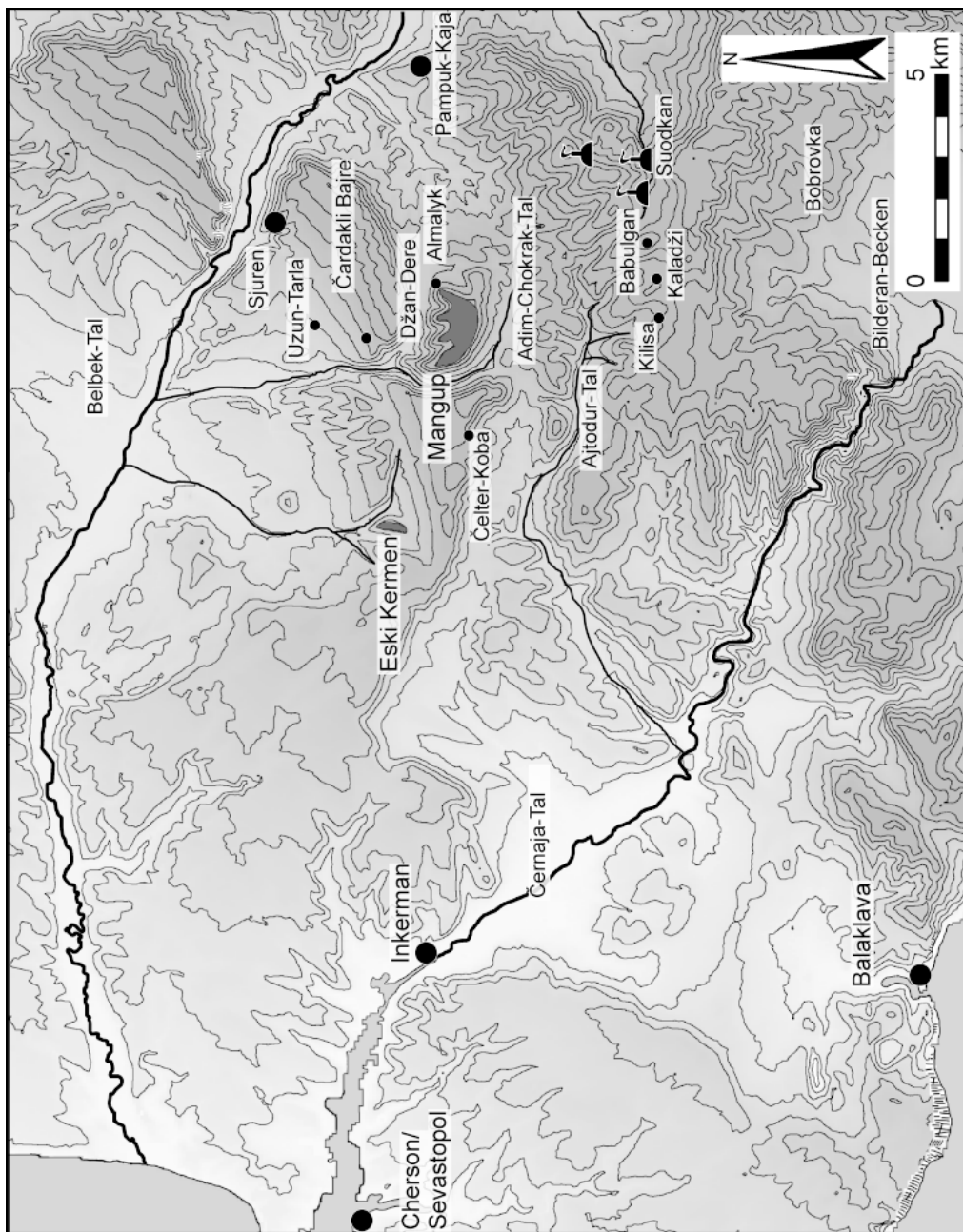

Рис. 2. Округа Эски-Кермена и Мангула (графика Р. Шрег / RGZM).

Рис. 3. Вид с востока на Мангуп, справа скальный склон балки Чардакли-Баир (фото Р. Шрег).

Рис. 4. Сельскохозяйственные остатки севернее Мангупа (графика Р. Шрег / RGZM).

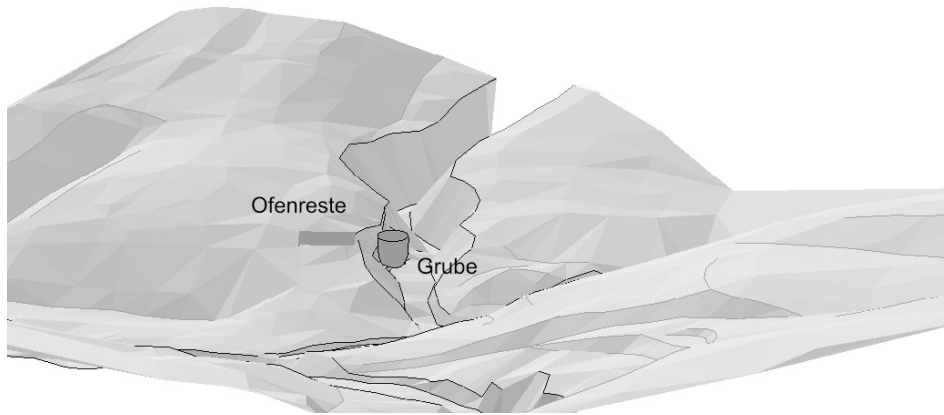

Рис. 5. Модель местности с производством черепицы Суодкан I – глубокое эрозионное русло пересекает мусорную яму мастерской (А. Крамер / RGZM).

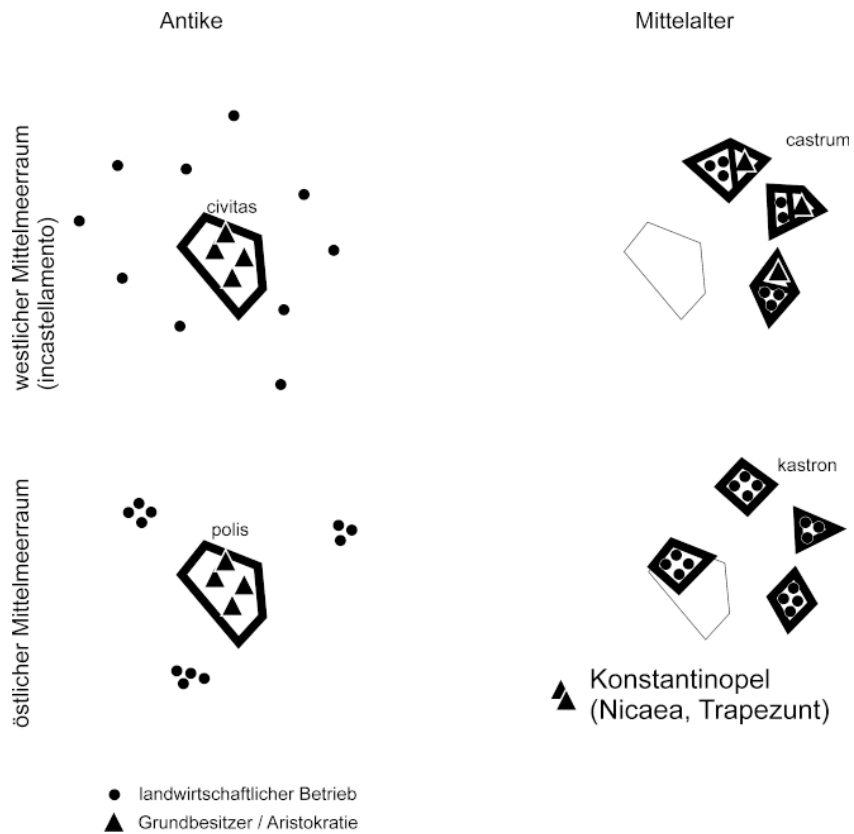

Рис. 6. Основные модели развития города и его окружи в Западном и Восточном Средиземноморье (графика Р. Шрег).